

— знаменитые украинцы —

Р. Коломиец

АЛЕКСАНДР

Вертинский

Харьков
«Фолио»
2015

1. НА РОДИНЕ 1889—1919

Я люблю Вас, моя сероглазочка,
Золотая ошибка моя!
Вы — вечерняя жуткая сказочка,
Вы — цветок из картины Гойя.

КИЕВСКОЕ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ. ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА

...По вечерам, после спектакля мы часто прогуливались с великой украинской артисткой Натальей Ужвий уютным франковским сквериком. Почему франковским? Да потому, что расположен он рядом с театром имени Франко, здесь артисты и сейчас встречаются перед репетициями, после репетиций. Дело в том, что в конце 60-х — начале 70-х я работал режиссером-постановщиком в театре имени Франко. Выходя со спектакля, я нередко встречался с Натальей Михайловной, которая в скверике ожидала, пока разгримируется ее муж, Евгений Порфирьевич Пономаренко, долго «выходивший из образа». Много расспрашивал артистку, живую историю украинского театра XX века, о Лесе Курбасе, Гнате Юре, с которыми она работала в «Березиле» и в театре имени Франко, о Мыколе Вороном, авторе украинского перевода «Интернационала», о поэтах Павле Тычине, Михайле Семенко — творцах украинской культуры XX века, о ее национальном своеобразии. Разговор о Вертинском Ужвий завела сама, без моей наводки.

«Как-то на съемках художественного фильма в Киеве я была поражена: «То, что вы выучили украинский язык, это еще понятно, но откуда у вас подлинные украинские интонации?» И тогда,

чуть не плача от радости, Вертинский ответил ей: “Та я ж тут народився! Це ж моя Батьківщина!”»

И незадолго до своего ухода из жизни — это было его последнее стихотворение — он объяснялся в любви к Киеву. Не декларативно-трогательно, искренне, сентиментально:

Киев — родина нежная,
Звучавшая мне во сне
Юность моя мятежная,
Наконец, ты вернулась ко мне.

В одном из писем, отправленном жене из Киева в 1949 году, Вертинский признавался:

«Как бы я хотел жить и умереть здесь. Только здесь! Как жалко, что человек не может выбрать себе угол на земле!»

Дальше поразительное:

«Мне бы надо быть украинским певцом и петь по-украински! Україна — рідна мати! Иногда мне кажется, что я делаю преступление тем, что пою не для нее и не на ее языке!..»

Признание знаменательное, сделанное не под настроение. Это к вопросу даже не столько о национальности певца, сколько о его принадлежности к национальной культуре и о своеобразии преломления этой культуры в его искусстве.

Это вообще не простой вопрос. В конце концов, в жилах у Вертинского текла и украинская, и польская кровь. И что из этого следует? Разве вопрос о национальности решается «взвешиванием» кровей, текущих в жилах? Какой национальности был великий русский поэт, эфиоп по крови, Пушкин?.. Украинец Гоголь не написал ни строчки по-украински, и, тем не менее, русские считают его своим, украинцы — своим литературным гением. Украинец Шевченко чуть ли не половину своих произведений создавал на русском языке...

А какой национальности был эстрадный певец Вадим Козин, у которого отец был русским, а мать — цыганкой? Какой национальности был продолжатель авторской песни Владимир Высоцкий, мать которого русская, а отец — еврей? Булат Окуджава на вопросы о своей национальности отвечал философски: «Отец мой — грузин, мать — армянка, а я — москвич...»

Вертинский — гражданин Вселенной — пребывал на перекрестке культур русской и украинской. Можно и так сказать: великий артист пребывал в сфере русской культуры, а украинские корни его происхождения, начало формирования его творческой индивидуальности в Киеве определили своеобразие его творчества. В Киеве он мечтал жить и умереть. Но жизнь распорядилась иначе.

Дитя свободной любви, Александр рос без родителей.

Отец артиста, известный в Киеве адвокат и журналист, не был официально женат на его матери, Евгении Степановне Скалацкой. По женской линии она происходила из украинского дворянского рода Ильяшенко, имевшего родственные связи с семьей Николая Васильевича Гоголя, была дочерью главы городского дворянского собрания. Влюбившись в Николая Вертинского, человека, по тем понятиям, безродного и к тому же женатого, она наткнулась на серьезные препятствия для семейного счастья. Первая жена так и не дала согласия на развод, и «дети любви» — Саша и Надя — родились как бы вне брака. Общественное осуждение и разрыв с родителями молодая женщина переживала очень тяжело и третьего ребенка не захотела. Она умерла после неудачной «женской операции», как тогда называли аборт, последствием которой стало заражение крови. Маленькому Саше исполнилось три года...

Вспоминает Вертинский в конце жизни, так, будто это случилось вчера, это ведь потрясение на всю жизнь:

«Смутно помню себя ребенком трех-четырех лет. Я сидел в доме своей тетки на маленьком детском горшочке и выковыривал глаза у плюшевого медвежонка, которого мне подарили. Лизка, горничная, девчонка лет пятнадцати, подошла ко мне: “Будет тебе сидеть на горшке. Вставай, у тебя умерла мать!”»

В тот же вечер его привели на квартиру к родителям. Они жили на Большой Владимирской в 43-м номере. Дом этот в Киеве стоит до сих пор, выходя двумя парадными подъездами на улицу. Очевидно, чтобы утешить, дали шоколадку с кремом... Мать лежала на столе в столовой в серебряном гробу, вся в цветах. У изголовья стояли серебряные подсвечники со свечками и маленькая табуретка для монашки, которая читала Евангелие. Быстро взобравшись на табуретку, чмокнув маму в губы, Саша стал совать ей в рот шоколадку... Она не открыла рот и не улыбнулась ему. Он удивился. Его оттянули от гроба и повели домой, к тетке. Вот и все. Больше он ничего не помнит о своей матери.

Любовь и смерть...

Итак, после смерти матери отцу пришлось «усыновлять» детей. Сестра Надя осталась с отцом, а Сашу «отдали» сестре матери, тетке Марье Степановне. Отец тяжело переживал потерю жены... Через два года его нашли без сознания на ее могиле. В кругу близких говорили, будто бы он лежал на снегу в расстегнутом пальто, без сознания и после того очень быстро сгорел от скоротечной чахотки — умер, захлебнувшись собственной кровью...

Любовь и смерть...

Похороны отца запечатлелись в сознании мальчика на всю жизнь. Когда товарищи вынесли отцовский гроб, чтобы поставить на колесницу катафалка, огромная тысячная толпа каких-то серых, бедно одетых людей, что заполнила площадь перед церковью,

быстро оттеснила маленькую группку киевских юристов. Отобрав гроб с телом, толпа на руках понесла его к кладбищу. А колесница везла венки. Никто ничего не мог понять. Что это за люди? Откуда появились они? Оказалось, все это отцовская клиентура. Какие-то женщины, по виду вдовы, старики, калеки, дети, рабочие, студенты, мелкие чиновники, «бывшие» люди — бедный и темный люд, чьи дела он вел бесплатно, которым помогал, поддерживал. Они никого не подпустили к гробу, кроме Саши и Нади (их вела нянька). Ни одного человека. «Это было удивительно и страшно». Даже полиция не понимала, в чем дело.

Наде исполнилось 10 лет, Саше — 5. Их взяли на воспитание мамыны сестры. Мальчику было сказано, что никакой сестры у него больше нет, а девочку уведомили, что братик умер. Так они и росли — в разных семьях, в разных городах...

Каждую субботу кузина Наташа водила за ручку маленького Сашу во Владимирский собор. А там...

«Васнецовская гневная живопись заставляет трепетать мое сердце. Один «Страшный суд» чего стоил... Давно умершие люди, бледные и прекрасные царицы, «в бозе почившие цари» — все это толпилось у подножья трона в час последнего Божьего суда... А рядом, около алтаря и наверху в притворах, была живопись Нестерова! Как утешала она! Как радовала глаз, сколько любви к человеку было в его иконах...»

Образ Богоматери был наверху, в левом притворе. Нельзя было смотреть на эту икону без изумления и восторга. Какой неземной красотой сияло лицо! В огромных украинских очах, с длинными темными ресницами, опущенными долу, была вся красота дочерей моей родины, вся любовная тоска ее своевольных и гордых красавиц... Много лет потом, уже гимназистом, я носил время от времени ей цветы...»